

РОЖДЕСТВО ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

1886 годъ. Я въ Іерусалимѣ.

На просторномъ, широкомъ дворѣ русской колоніи замѣтно необыкновенное движеніе. Мы наканунѣ Рождества. Кавасы-черногорцы съ утра сторожатъ у воротъ, не пропуская никого изъ постороннихъ въ стѣны колоніи. Предстоитъ, готовится что-то такое, что должно быть пока тайной для жителей.

города, любопытство которыхъ уже столпилось въ ближайшей улицѣ.

На широкомъ дворѣ, около собора, толпится три тысячи нашихъ скромныхъ разнохарактерныхъ по говору и костюмамъ поклонниковъ. Тутъ и малороссъ, тутъ и хохоль, тутъ и нашъ сѣверный крестьянинъ, и сибирякъ, и вижегородецъ, и захожій изъ дальняго монастыря монахъ, и бродячій, безвѣстный послушникъ и сельскій батюшка... Всѣ они въ ожиданіи, всѣ они уже дарно, съ утра, готовы пуститься въ путь къ тому маленькому скромному городку, гдѣ родился Спаситель. Ихъ общался вести самъ консуль, ему не хотѣлось пустить эту безпорядочную толпу тавъ, какъ она обычно бродитъ по Палестинѣ, ему хотѣлось сдѣлать для нее все, чтобы этотъ великій день, эта святая рождественская ночь осталась въ памяти этого простонародья неизгладимымъ воспоминаемъ, которое бы она потомъ разнесла по тѣмъ далекимъ, неизвѣстнымъ уголкамъ нашей необъятной родины, которая посылаетъ послѣдніе гроши съ глубокой вѣрой простого русскаго человѣка помолиться тамъ, гдѣ родился и жилъ Спаситель.

Наконецъ, это было необходимо и въ виду любопытства иностранцевъ, которые сифются надъ этой дѣйствительно невзрачной, бѣдной толпой пилигримовъ, не отличая ее много отъ дикарей, хотя латинство было бы и радо воспользоваться ею для своихъ цѣлей, удивляясь глубокой вѣрѣ, беззавѣтности, отвагѣ русскаго поклонника.

Въ 2 часа дня эта толпа была, наконецъ, построена въ порядокъ, изъ нея выдѣлилось до двухсотъ пѣвчихъ, впереди стало духовенство, во главѣ процессіи, верхомъ на кабардинцахъ, свита консула и передъ ней конные кавасы въ черногорскихъ дорогахъ пестрыхъ костюмахъ, съ карабинами въ рукахъ.

Ворота раскрываются и процессія трогается въ путь съ громкимъ пѣніемъ рождественскаго тропаря. Слѣдуетъ залпъ встрѣловъ кавасовъ, дорога очищена и процессія направляется по направленію къ Вилелему

по улицамъ святого города. Крыши домовъ, балконы, стѣны, стѣна города, — все покрыто народомъ, который поражаетъ величїе свиты, многочисленность толпы, стройное пѣніе и костюмы стройныхъ поклонниковъ русской земли. Масса народа пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ и ослахъ провожаетъ процессію далеко за городъ. Тамъ встрѣчаетъ ее толпа конныхъ всадниковъ, арабовъ, они выстрѣлами изъ карабиновъ, длинныхъ ружей, привѣтствуютъ ее, они щеголяютъ передъ ней роскошью костюмовъ, красотой лошадей, ловкостью наѣздничества, то кружась впереди толпы, то бросаясь взапуски, то перепрыгивая черезъ канавы, стѣны, то исчезая изъ виду, оставляя по весу опоръ лошадей, желая всѣмъ этимъ выразить радость, выказать честь нашей націи. А процессія все движется впередъ, подвигая облако пыли на гладкомъ, бѣломъ шоссе, растянувшись по нему на цѣлыя версты съ длиннымъ крестомъ каравана. По пути разстилаются поля, они уже зеленѣютъ озимью, въ сторонѣ отъ дороги, на межахъ полей видны цвѣты альпійскаго маха, по полямъ тутъ и тамъ зеленѣетъ листва деревьевъ, нѣкоторыя уже цвѣтутъ. Все это обливаетъ теплыми лучами солнце, приводя въ удивленію русскаго человѣка среди зимы.

На полпути насъ встрѣчаетъ духовенство греческаго монастыря, оно вышло съ крестомъ и иконами, которые съ благоговѣніемъ цѣлуетъ русскій народъ. Въ сторонѣ раскинуты палатки, насъ просятъ отдохнуть, объявляютъ приваль и вся масса народа садится на свѣжую зелень близъ дороги.

Полчаса отдыха проходитъ незамѣтно, поклонники съ шумомъ поднимаются и процессія движется впередъ. благословляемая крестомъ духовенства.

Любуясь на нее, мнѣ кажется, что вотъ также когда-то, въ старое время, двигались къ этимъ святынямъ Палестины крестоносцы. Чѣмъ-то историческимъ вѣетъ отъ этой картины, растянувшейся съ караваномъ позади, съ посохами, котомками заныдевой толпы паломниковъ.

Вотъ впереди, на небольшой возвышенности, бѣля четырехугольными безъ крыши домиками, показался Велеемъ. Какъ онъ скромень, какой бѣдной деревушкой выглядываетъ онъ, раскинувшись по скатамъ холма.

Процессія останавливается, толпа опускается на колѣна и молится... Какая трогательная картина.

Еще громче, еще торжественнѣе теперь несутся голоса, еще трогательнѣе теперь тропарь праздника.

Мы приближаемся, мы входимъ въ священный городъ. Узкія улицы пустыньны, но въ окнахъ скромныхъ домовъ, на балконахъ, на крышахъ насъ привѣтствуютъ радостно толпы арабовъ, жителей городка. На насъ съ удивленіемъ, съ нескрываемымъ восторгомъ, смотрятъ тысячи черныхъ, любопытныхъ глазъ изъ-за всякаго угла, намъ машутъ цвѣтными платками, намъ хлопаютъ въ ладоши дѣти и взрослые.

Процессія выдвигается на площадь, съ боку стоитъ рота турецкихъ солдатъ, они отдають честь, впереди высокая стѣна монастыря, гдѣ виденъ храмъ съ широкимъ, круглымъ куполомъ.

Конница смѣшивается, консулъ вскакиваетъ на камень колодца, поднимаетъ руку и толпа останавливается и замираетъ.

Еще моментъ и, повинаясь жесту, она опускается на колѣна. Раздается восторженная простая рѣчь, она напоминаетъ ей тѣ незабвенныя минуты поклонника Святой Земли, когда онъ выходилъ изъ своей деревни, она напоминаетъ ей тѣ трудности пути, которыя выпадаютъ на долю паломника, тѣ долгія минуты ожиданій, надеждъ увидѣть поскорѣе, исполнить свой завѣтъ на Святой Землѣ и переносить его вниманіе на настоящую минуту, когда глубокая вѣра привела, наконецъ, человека подъ стѣны того города, гдѣ родился Спаситель, въ тѣ минуты, когда въ храмъ уже поютъ „Рождество“, когда наступаетъ уже святая ночь... Въ толпѣ слышатся рыданія... Это была единственная, трогательная минута, которую, кажется, не забыть никому изъ присутствовавшихъ.

Ворота растворяются и всё спѣшать проникнуть узкимъ входомъ туда, гдѣ родился Спаситель, въ храмъ, гдѣ слышится громкое пѣніе.

Просторный, богатый храмъ наполняется русскими, одни спѣшать ставить свѣчи, другіе съ любопытствомъ прислушиваются къ чуждой рѣчи, пѣнію, которое только порой смѣняется нашей ектеніей, возгласомъ священника. Но это не мѣшаетъ молиться, въ толпѣ слышна русская молитва, тамъ молятся за себя, за родныхъ, далекую родину...

Служба продолжается утомительно долго, слѣдуютъ ходы съ хоругвями, зажженными свѣчами въ рукахъ, подъ сводами храма.

Была уже темная ночь, когда услужливые монахи развели насъ по кельямъ, предложивъ отдохнуть передъ равней обѣдней.

Чистенькія, маленькія комватки напоминаютъ наши монастырскія кельи: одно, два небольшихъ окна, въ которыя смотрится темная, тихая ночь, кровать съ кисейной занавѣсью, столикъ, простой стулъ,— все это чисто, все это такъ и привлекаетъ отдохнуть послѣ долгаго пути, послѣ долгой службы. Но отдыхъ коротокъ, чего-то ждешь, что-то волнуетъ, словно въ этомъ тепломъ воздухѣ распахнутаго окна, въ этой тишинѣ, разлито что-то торжественное, что волнуетъ, что не даетъ забыться...

Полночь. Я спускаюсь въ храмъ. Тамъ движеніе, тамъ слышна русская рѣчь, храмъ въ полумракѣ, теплится нѣсколько лампадъ, при свѣтѣ которыхъ по угламъ, около колоннъ, сидятъ, отдыхая, поклонники, кто жуетъ принесенный съ родины сухарь, кто шепотомъ дѣлится впечатлѣніями, кто дремлетъ. Въ сторонѣ греки поставили столы, гдѣ толнится народъ, покупая крестики, ленты, разноцвѣтные свѣчи, на память, на случай болѣзни, смерти... Тамъ настоящее смѣшалось уже съ будущимъ и заскорузлая, грубая рука перебираетъ наши мѣдяки, покупая бѣлый саванъ, который когда-то закроетъ на родинѣ эти потрудившіяся руки, это доброе, спокойное русское лицо...

Я спускаюсь подъ храмъ, въ святую це-

щеру. Она вся сіяетъ отъ массы наставлен-
ныхъ по подсвѣчникамъ свѣчь, ея потолокъ,
стѣны переливаютъ разноцвѣтные цвѣта мед-
ленно качающихся фонариковъ, которые мяг-
кимъ свѣтомъ, среди тишины, освѣщаютъ
склонившіяся группы богомольцевъ предъ
тѣмъ мѣстомъ, означеннымъ звѣздой, гдѣ
родился, по предавію, Спаситель. Кто мо-
лится, кто прикладывается, кто тихо ры-
даетъ въ углу, кто въ благоговѣніи, за-
стывши, стоитъ, созерцая изображеніе Мла-
денца въ ясляхъ на сѣломѣ... Сколько вѣ-
ры, сколько усердія, сколько молитвъ, слезъ,
надеждъ, восторговъ, невыразимыхъ движе-
ній души...

Я иду опять бродить по храму, и опять
прислушиваюсь, какъ торгуется наше палом-
ничество, какъ пріобрѣтаетъ себѣ, во что
оно вѣритъ, что оно понесетъ на груди въ
свои родныя деревни вѣсть съ воспомина-
ніями этой ночи.

Черезъ часъ я снова спускаюсь въ пе-
щеру, она полна народа, тамъ идетъ ран-
няя литургія. Пещера ярко освѣщена; всѣ
стоятъ, какъ въ Пасху, съ восковыми заж-
женными свѣчами. На мѣстѣ, гдѣ родился
Спаситель, на покрытомъ покровомъ узкомъ
столѣ стоитъ святая Чаша. Передъ ней, въ
блестящей яркой ризѣ, молится, за мѣръ вы-
сокій, красивый, греческій митрополитъ. По
ту и другую сторону его въ узкихъ вхо-
дахъ стоятъ съ ружьями, въ красныхъ фес-
кахъ, турецкіе солдаты, съ удивленіемъ слѣ-
дя за тѣмъ, какъ пастырь православныхъ,
воздѣвая руки, совершаетъ великое таинство.
Подъ сводами пещеры глухо раздается строй-
ная, русская херувимская съ женскими го-
лосами паломницъ. Что-то трогательное, вы-
сокое, невыразимое въ этой картинѣ, въ
этой обстановкѣ, въ этомъ пѣніи, чѣмъ-то
ветхозавѣтнымъ вѣетъ отъ этой простоты,
пещеры, литургіи, молящихся, столпившихся
подъ землей, съ выраженіемъ полного удо-
влетворенія, полного спокойя на раскрасив-
шихся восторженныхъ лицахъ...

Меня что-то душитъ, я не могу стоять,
я не могу больше слышать это пѣніе, кото-

рое уносить человека въ другой міръ, и я ухожу, выхожу изъ храма, и поднимаюсь на просторную террасу монастыря.

Какая тихая, чудная, теплая ночь. Какая мертвая тишина царитъ надъ заснувшимъ городомъ, облитымъ ровнымъ свѣтомъ луны. Какъ тихо мерцаютъ звѣзды въ глубокомъ небосклонѣ. Вонъ, тамъ обрисовался силуэтъ пальмы, вотъ, здѣсь, подъ ногами, тянется куда-то темный узкій пустынный переулокъ, гдѣ-то на секунду мелькнулъ огонекъ, гдѣ-то далеко слышится хриплый голосъ шакала. Я, прислонившись къ стѣнѣ, съ наслажденіемъ вдыхаю теплый воздухъ Палестины, люблюсь чуднымъ небеснымъ сводомъ съ міромъ планетъ, и уношусь воспоминаніемъ за 1886 лѣтъ. Вѣроятно, тогда была такая-же ночь, этотъ-же теплый воздухъ вѣялъ съ долины, также скромно обрисовывались силуэты пальмъ, домовъ, также чудно, тихо мерцали звѣзды. Я представляю себѣ волхвовъ, толпу пастуховъ, эту нещеру, гдѣ только-что я былъ, откуда доносится еще пѣніе, ясли и Младенца. Мнѣ кажется, что вотъ эта яркая звѣзда, которая такъ ярко горитъ надъ освѣщеннымъ куполомъ храма была спутницей волхвовъ, которые принесли Младенцу золото, ладонъ и смирну. И какое-то тихое, нѣжное, благодатное чувство овладѣваетъ мной. глаза застилаютъ слезы и, опускаясь на колѣна, предъ этимъ невѣдомымъ міромъ планетъ, подъ этимъ наплывомъ ощущеній святой ночи, молясь, я слышу, до меня доносится словно съ этого неба: "Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ... (Н. В.).